

ПЛАТОН И КОРБЮЗЬЕ: УТОПИЯ ЖИЗНЕСТРОИТЕЛЬСТВА

Дом, поселение, город во все времена и у всех народов трактовались как символическое выражение миро-здания — макрокосма, изоморфного микрокосму — антропоморфной организации человека. Мир космоса наделяется порядком, семантической связностью, смыслом, иерархической структурой. Горизонтальное (а в новоевропейских городах — и вертикальное) членение городских пространств представляет собой проекцию ценностной иерархии, связывающей небо и землю, людей и богов, сакральное и профанное. В диалогах Платона («Государство», «Тимей», «Критий») встречается утопическая концепция идеального города — столицы мифической Атлантиды. Хронологически утопический проект жизнеустройства укоренен в некоем незапамятном прошлом, в прекрасном «золотом веке», когда человеческая природа, восходящая к божественной, была чиста и незамутнена примесями алчности, зависти и корыстолюбия. Но одновременно утопия мыслилась как парадигма новой реальности, альтернативной наличному бытию, которая обрисовывала перспективы его развития. Со времен Платона город как интегральный образ идеального общества стал излюбленным сюжетом для утопий.

Платон размещает свой идеальный город на возвышенности, в живописной местности, окруженной горами, круто обрывающимися к морю. Город — замкнутая структура, границы его обозримы, он телесен, представляет собой спрессованную архитектурную плоть. Бесконечность, отсутствие видимых границ немислимы для античного человека, пугают его. Город окружен кольцом стен и подражает в принципах своей организации структуре космоса. Космос наделяется разумом, он — живое мыслящее существо. Разум старше души и тела космоса, он дает начало всему и управляет развитием мироздания. Точно так же правители города — царский род — разум государства, наиболее древняя по своему происхождению и мудрая часть городского населения, возводящая свою родословную к богам (они — потомки Посейдона, рожденные прекраснейшей из смертных женщин).

Власть имеет божественное происхождение, наделяется сакральным характером. В соответствии с их достоинством дворец правителей помещается в сердце города — на территории Акрополя, в его центральной, возвышенной части, приближающей владык к их прародине — обители небожителей. В архаических обществах сакральная

и светская власти еще не обособились друг от друга, выступают в синкретическом единстве, поэтому цари у Платона совмещают функции верховных жрецов и носителей высшей государственной власти — законодателей и судей. На территории дворцового комплекса в Акрополе находится главное святилище — храм Посейдона, где отправляется культ, совершаются ритуальные жертвоприношения, и боговдохновенные правители вершат мудрый и справедливый суд. В центре храмового святилища установлена орихалковая стена-стелла с высеченным на ней законом — Посейдоновыми предписаниями. Близ стеллы проходят совещания десяти царей и вершится суд. Храм недоступен непосвященным: он окружен золотой стеной. Дворцовый комплекс в целом также обнесен стеной, облицованной сияющим и искрящимся орихалком. «Царский дворец находился в надлежащей соразмерности как с величием державы, так и с убранством святилищ»¹. Вся территория города, разворачивающаяся из храмового комплекса как его центра, наделяется сакральным характером. Город и все его земли есть священная собственность богов.

Вокруг дворцовой стены на обширной территории вознесенного над городом Акрополя располагается поселение воинов — «воли» государства, яростного начала его души, а по склонам Акрополя размещаются низшие сословия — «плоть» городского организма, его материальная часть — люди физического труда, ремесленники и земледельцы. Древнюю метрополию — цитадель — окружают водные кольца, через которые перекинуты мосты. Концентрические водные пространства играют как коммуникативную, так и оборонительную роль в жизни города. Кольца воды чередуются с сушей, пересеченной каналами, которые соединяют различные участки города и дают путь кораблям. Таким образом, вырисовывается регулярная, строго геометрическая, радиально-кольцевая планировка идеального города. Геометрический порядок для Платона выступает зримым выражением гармонии мироздания, его «музыки сфер». Геометрию философ называет «познанием вечного бытия»². Благо — венец иерархии вечного и неизменного мира идей, а также цель существования государства, объединения людей, — выступает в виде триединства истины, красоты и соразмерности³.

«Геометрия и боги восседают на одном троне», — заявлял Ле Корбюзье⁴. Градостроительные проекты архитектора XX в. опубликованные, но не нашедшие своей реализации (например, проект переплани-

¹ Платон. Критий // Собр. соч.: В 3 т. Т. 3. Ч. 1. М., 1971. С. 556.

² Платон. Государство // Там же. С. 337.

³ Платон. Филеб // Там же. С. 83.

⁴ Цит. по: *Архитектура* современного Запада / Под ред. Д. М. Аркина М., 1932. С. 39.

ровки и перестройки Парижа — План Вуазен, или «Лучезарный город»), содержат в себе черты утопизма. В их основе лежит эстетическая утопия — мечта об упорядочении жизни средствами искусства (и прежде всего архитектуры и дизайна, формирующих предметно-пространственную среду обитания человека). Архитектурная перестройка жизни, по мысли Корбюзье, способна внести гармонию в социальные отношения, предотвратить кровопролитные войны и революции. Архитектурная схема у Корбюзье переходит в универсальный план устройства жизни на основе и по модели техники. Так рождается техницистская эстетика, утверждающая, что всякая совершенная конструкция автоматически преобразуется в художественный образ. В основу функционирования техники положена геометрия, «эстетика прямого угла» — символ разума, порядка, рациональности. Вместе с тем при мысли о геометрии «разум извлекает из потока памяти диски и шары богов Египта и Конго»⁵.

Город необходимо структурировать функционально. Основные функции человека — жить, работать, отдыхать и передвигаться. В согласии с этим в современном городе должны проектироваться жилые дома, деловая часть и промышленная зона; сады, скверы и парки; транспортные магистрали и пешеходные улицы. Город — не только машина, механизм, но и организм, «зверь», по своей структуре напоминающий живую клетку, жизнь которой зарождается в ядре и затем распространяется по всему обширному пространству.

Ядром города у Корбюзье является деловой центр — сити — с примыкающими к нему жилыми кварталами. Здесь сосредоточены все сильные властные структуры, финансовый капитал — этакий Олимп мира сего, распоряжающийся жизнью современного общества. Современный город развивается по законам биржи — стихия быстроты, перетекающая аура смыслов. Хотя Корбюзье, в отличие от Платона, предлагает создать город на гладкой поверхности без каких-либо топографических особенностей, зона власти содержит в изобилии небоскребы — искусственные вертикали, замещающие собой естественные возвышенности городов прошлых эпох. Как и у Платона, центральную часть города Корбюзье занимают «лучшие», привилегированные представители горожан — «разум» города, власть предрешающие, вершащие судьбы мира. Также в центре (как и в древнем Акрополе) выделено место для коммуникативных пространств — «форумов», общественных зданий и центрального вокзала. Здесь же сосредоточено и управление военно-промышленным комплексом, занявшим место воинов-стражей Платона.

Деловой центр окружает промышленная зона — «кузница» города

⁵Там же.

(по аналогии с ремесленными кварталами в идеальном городе Платона), а обрамляет город и связывает его с внегородским пространством город-сад, возводящий урбанизированное пространство к райскому саду — Эдему. (Платоновский идеальный город также был окружен священной рощей Посейдона.)

Итак, что в основу отстоящих друг от друга на много столетий утопических проектов идеальных городов Платона и Корбюзье положены единые архетипические коды, хотя и получившие различное пространственное выражение в соответствии с изменившимися формами жизни. Современные тенденции в понимании городской среды и ее проектировке исходят именно из факта первичности базовых форм жизни — архетипов — по отношению к выражающим и закрепляющим их пространственным структурам.

Планы идеальных городов Платона и Корбюзье не нашли своей реализации. Недостатком любой утопии является ее внеисторичность, отчужденность от индивидуальных потребностей конкретного человека, живого индивида как следствий установки на завершенность, которая в рамках классической эстетики служит неотъемлемым признаком совершенства и красоты любого творения рук человеческих. Однако несомненно влияние утопических проектов на практику градостроительства. Роль утопий здесь сводится к тому, что во взаимодействии с жизненными реалиями они создают смысловое поле, линии напряжения которого направляют целеполагание и побуждают к созиданию.

Д. В. ШМОНИН

«INDEX» И «МЕТАФИЗИКА»

«Метафизические рассуждения» Фр. Суареса (1548–1617), увидевшие свет в 1597 г., лишь условно можно отнести к традиционному средневековому жанру комментария¹. И хотя автор просит восприни-

¹М. Хайдеггер в «Основных понятиях метафизики» пишет о «Метафизических рассуждениях» Суареса: «Труд, стало быть, преследовал двоякую цель: во-первых, рассмотреть внутреннее строение естественной теологии... и вместе с тем обсудить надлежащим образом все вопросы, относящиеся ко всем двенадцати книгам Аристотелевой „Метафизики“. Дело в том, что в отличие от прежней схоластики Суарес видел, что двенадцать книг Аристотеля не образуют упорядоченного целого... Суарес попытался исправить этот недостаток путем систематического упорядочения ведущих проблем... тогда как Фома дал лишь пример применения метафизических мыслей по ходу комментирования аристотелевской метафизики» (Хайдеггер М. Основные понятия метафизики // Вопросы философии. 1989. № 9. С. 153).

© Д. В. Шмонин, 2002